

Katarzyna Konczewska

✉ katarzyna.konczewska@ijp.pan.pl

🆔 <https://orcid.org/0000-0002-3605-9974>

🏠 Institute of Polish Language, Polish Academy of Sciences

🌐 Kraków, Poland

🔗 <https://doi.org/10.4467/K7501.45/22.23.18062>

Топонимы Гродненщины в лингвокультурологическом аспекте

Аннотация

В статье предложен несколько отличный от традиционного взгляд на анализ географических названий пограничья, с учетом экстралингвистических факторов и диалектологических наработок. Обращено внимание на топонимический ландшафт как свидетельство сложных процессов формирования полиэтнического, поликультурного, полилингвального субрегиона. Выделены мотивационные группы топонимов: топонимы, обусловленные природно-географическими факторами; топонимы с этнонимной основой; топонимы, образованные от названий сословной принадлежности и видов занятости; топонимы, образованные от названий типов поселений. Выявлены этимологические пласты: древнейший индоевропейско-финно-угорский; балтийский (ятвяжский, литовский); славянский (русинский, польский). Представлены наиболее продуктивные словообразовательные типы. Отмечены топонимы, этимология которых остается спорной. Подчеркнута роль диалектологических наработок в ономастических исследованиях. Автор обращает внимание на то, что лингвокультурологический анализ топонимов пограничных территорий со сложной социолингвистической ситуацией является продуктивным методом ее реконструкции и дает основание для определенных выводов о характере и этапах заселения ареала, а также об историческом многоязычии. Материалом для статьи послужили данные, собранные автором во время полевых экспедиций на белорусско-польском пограничьи. Предложенный многоаспектный междисциплинарный подход к анализу топонимов пограничья может не только обогатить исследования Гродненщины, но и внести вклад в изучение балто-славянских языковых контактов в латеральных переходных зонах.

Ключевые слова

ономастика, диалектология, польско-белорусское пограничье, Гродненский регион

Abstract

Toponyms of the Grodno region in the linguoculturological aspect

The paper offers a slightly different view from the traditional one on the analysis of the geographical names of the the Poland-Belarus borderland, taking into account extralinguistic factors and dialectological developments. Attention is drawn to the toponymic landscape as evidence of the complex processes of the formation of a multiethnic, multicultural, and multilingual subregion. Semantic groups of toponyms are distinguished: toponyms motivated by natural and geographical factors; toponyms with an ethnonymic basis; toponyms formed from the names of class affiliation and types of employment; toponyms motivated by appellatives denoting the type of settlements. Etymological strata are revealed, the oldest being the Indo-European-Finno-Ugric one, followed by the Baltic (Yotvingian, Lithuanian) and Slavic (Rusyn, Polish) ones. The most productive word-formation types are presented. Toponyms of unclear etymology are also indicated. The author draws attention to the fact that the linguistic and cultural analysis of toponyms in border territories with a complex sociolinguistic situation is a productive method of its reconstruction and provides the basis for certain conclusions about the nature and stages of settlement of the area, as well as about historical multilingualism. The role of dialectological developments in onomastic research is emphasized. The material for the article was the data collected by the author during field expeditions on the Belarusian-Polish border. The proposed interdisciplinary approach to the analysis of toponyms of the borderland can not only enrich the research of the Grodno region but also contribute to the study of Balto-Slavic language contacts in the peripheral contact zones.

Keywords

onomastics, dialectology, the Polish-Belarusian borderland, the Grodno region

1. Введение

В статье мы обратим внимание на топонимический ландшафт пограничья как свидетельство сложных процессов формирования полиэтнического, поликультурного, полилингвального субрегиона. Попытка анализа географических названий подобных ареалов сродни детективному расследованию: необходимо не только учитывать языковую интерференцию и степень инфильтрации говоров, попытавшись определить субстратный пласт, но и обязательно принимать во внимание этапы процесса заселения региона, его этнокультурную составляющую, исторические события, а также политический фактор¹.

Целью нашего исследования является предложение несколько отличного от традиционного взгляда на анализ географических названий, с учетом экстралингвистических факторов и диалектологических наработок. По нашему мнению, классификация и интерпретация топонимических единиц, зафиксированных в пограничных ареалах, будут более продуктивны с применением такого подхода. Свои рассуждения мы представим на материалах полевых диалектологических экспедиций, проводимых в 2010–2019 гг.²

Диалектология и ономастика, с одной стороны, имеют несколько разные объекты исследования и подход к ним (*nomen appellativum* : *nomen proprium*; название и десигнат : называние и категоризация; синонимическое и семантическое разнообразие : процесс и классификация), но в то же время используют подобную методологию, обращаясь, например, к ономастиологии, народной этимологии, диахроническому подходу и картографии.

¹ Новейшие работы по методологии ономастических исследований акцентируют, наконец, внимание на необходимости анализа также идеологической составляющей географических названий (Rutkowski, 2021, с. 237–254).

² Наши систематические полевые экспедиции, проводимые по обеим сторонам польско-белорусской границы, были прерваны в 2020 г. в связи с пандемией COVID-19, осложнением политической ситуации в Беларуси с 9 августа 2021 г. и введением 2 сентября 2021 г. в Республике Польша чрезвычайного положения в приграничной зоне ввиду миграционного кризиса на границе с Беларусью.

Несмотря на разнообразие публикаций по топонимике Беларуси, пограничный гродненский ареал изучен все еще недостаточно. Белорусские исследователи в последнее время начинают обращаться к лингвокультурологической проблематике в ономастике (Алиферчук, 2013; Васильева, 2014; Шклярчук, 2019), однако топонимы гродненского участка белорусско-польского пограничья до сих пор не были предметом систематического изучения. В серии «Филологическое краеведение Гродненщины» («Філалагічнае краянаўства Гродзеншчыны»), издаваемой Гродненским государственным университетом им. Янки Купалы, периодически появляются только небольшие словарики региональных микротопонимов³, а немногочисленные ономастические статьи (Дорофеенко, 2018, сс. 85–98; Бубнович, 2020, сс. 29–40) содержат преимущественно тематическую систематизацию и реестр топонимов без их анализа. Более изученной белорусскими ономастами является Брестчина (Леванцэвіч & Якубук, 2018, сс. 129–136). Работы польских исследователей (Kondratiuk, 2011; Tratsiak, 2017) касаются преимущественно широко понятого польско-белорусского пограничья, в то время как различные его участки имеют индивидуальные социолингвистические характеристики. Можно утверждать, что наиболее изученным субрегионом пограничья как сложного поликультурного и полиязыкового ландшафта являются окрестности Пелесы (современная Гродненская область Беларуси, при границе с Литвой), где в 80-х гг. XX в. работала интердисциплинарная экспедиция под руководством Владимира Николаевича Топорова⁴.

³ Наиболее полный словарь региональных топонимов и микротопонимов представлен в работе Апанаса Цыхуна (Цыхун, 1993).

⁴ Результаты ее работы периодически публиковались в серии «Балто-славянские исследования», издаваемой Институтом славяноведения Российской академии наук.

2. Характеристика субрегиона

Гродненщина является уникальным пограничным субрегионом. Кшиштоф Заяс называл пограничье специфическим центральноевропейским изобретением, которое «получило свою популярность благодаря многозначности самого термина “пограничье”, несущего коннотации не только пространственные, но и культурные, общественно-политические, языковые, а даже экзистенциальные» (Zajas, 2012, сс. 7–8). Можно утверждать, что разноаспектное интердисциплинарное изучение Гродненщины позволит сделать выводы, которые найдут применение в изучении также иных пограничных ареалов со сложной социолингвистической ситуацией.

Следует обратить внимание, что, говоря о Гродненщине, мы имеем в виду белорусскую часть территории бывшего Гродненского уезда⁵, существовавшего в 1413–1939 гг. в составе различных государственных образований: Великого княжества Литовского, I и II Речи Посполитой, Российской Империи, Прусской Империи, Советского Союза. На наш взгляд, это более целесообразно, чем оперирование понятием современной Гродненской области, которая была окончательно образована лишь в 1954 г. из субрегионов, сформировавшихся в различных культурных, конфессиональных и языковых традициях.

Уникальность Гродненщины состоит в том, что здесь до наших дней сохранилось языковое и культурное разнообразие, обусловленное сложными историческими и политическими процессами. Ее культурная самоидентичность сформировалась под влиянием трех монотеистических религий: христианства, ашкеназийского иудаизма, ислама. Добавим, что разделение на христианство восточное (православие) и западное (католицизм) проходило вдоль всего региона, а момент столкновения здесь двух христианских вероисповеданий – римско-католического мазовшан и ортодоксического русинов – соответствует схизме

⁵ В наши дни территория бывшего Гродненского уезда входит в состав Беларуси, Литвы и Польши. На территории Беларуси это Берестовицкий, Волковысский, Гродненский и Мостовский районы. Государственная граница была установлена окончательно в 1948 г.

1054 г. Бывшие ятвяжские территории неравномерно, ввиду сложного природного ландшафта (пуща и болота), заселялись с востока православными русинами, а с запада – католическими мазовшанами⁶. Осаднических волн было несколько, после каждой опустошающей войны. Заметим, что в данном ареале с XIV в. компактно проживали также татары⁷. Евреи, о которых первые упоминания появились также в XIV в., после введения в 1791 г. черты оседлости составляли преобладающее количество жителей местечек вплоть до Второй мировой войны. Этапам расселения сопутствовали процессы инфильтрации и ассимиляции. Таким образом, уже к XVII в. данный субрегион сформировался как многонациональный (литвины, русины, поляки, евреи, татары), многоконфессиональный (православие, католицизм, ислам, иудаизм) и многословный (бояре, крестьяне, шляхта). Позднейшие исторические катаклизмы в значительной степени нарушили это разнообразие, а десятилетия политики тотальной русификации и советской идеологизации⁸ были направлены на его нивелирование. Лингвокультурологический анализ географических наименований может позволить восстановить первоначальную картину языкового и культурного взаимодействия в пограничном ареале, а также проследить влияние исторических и политических факторов.

Поскольку объём статьи не позволяет представить развернутого исследования, сосредоточим внимание только на ключевых моментах заглавной тематики, выделив мотивационные группы и этимологические пласты топонимической лексики.

⁶ Процессы освоения пограничного ареала бывшего Гродненского уезда представлены в работах: Jakubowski, 1935, сс. 99–114; Wiśniewski, 1964, сс. 115–135, 1977, сс. 7–80. Моисей Яковлевич Гринблат территории к северу от Гродно отнес к области «ославяненных литовцев» (Гринблат, 1959, с. 525). О литовской этнической границе на востоке: Ochmański, 1981.

⁷ Татарские колонии, поселенные князем Витольдом, размещались над Лососянкой около Гродно и в Скиделе, а вторая волна татарского осадничества датируется XVII в.: Ян III Собеский в качестве платы за военную службу даровал татарским сотникам земли между Гродно и Сокулкой (Богоники, Липки, Крушиняны).

⁸ Процесс начальных этапов советизации западной части Беларуси наиболее полно, на базе архивных источников, представлен в монографии: Szumski, 2010.

3. Мотивационные группы⁹

3.1. Топонимы, обусловленные природно-географическими факторами

Данная группа составляет наиболее древний топонимический пласт. Преобладающее количество топонимов и микротопонимов образовано от литовских апеллятивов¹⁰, при помощи литовских и восточнославянских словообразовательных средств:

Балинента, Баличи, Баля, Баля Костельная, Баля Сольная < *balà* 1) 'болото', 2) 'низкое мокрое место', 3) 'мокрый топкий луг', 4) 'топкий луг около леса'; *balýnas* 'болотистая местность, большое болото'

Бросты < *brastà* 1) 'неглубокое место в реке, где можно перейти вброд', 2) 'топкий болотистый луг'

Брузги < *brūzgýnas* 'место, поросшее низким и густым кустарником, мелким лесом'

Ванги < *vangà* 'низколежащий влажный луг с высокой травой'

Кудричи < *kūdra* 1) 'мокрое, влажное место, поросшее кустарником', 2) 'болото'

Лабно < *lòbas* 'низина, низменный луг'

Лаша < *lāšas* 'незамерзающее быстрое течение реки с родниковым дном'

Лунна < *liūnijà* 'трясина, топь'

Мишкеники < *mīškas* 'лес, бор', *miškýnas* 'лесистая местность, сплошной лес'

Плянты < *plaiķumas* 'поляна в лесу, просека'

Рапа Жилицкая, Рапа Кошевицкая < *gorà*, диал.: *rapa, rafa* 'порог реки, каменистые отмели'

⁹ Приводятся только примеры топонимов, а не полный топонимический инвентарь. В связи с поставленной целью исследования мы не учитываем обширную группу деантропонимных топонимов, которые анализировала Юлия Гурская (Гурская, 2014, с. 182–206). Отметим, что в исследуемом ареале нами выявлено три группы родовых гнезд (деантропонимные топонимы) польской мелкопоместной шляхты, сохранившихся до наших дней. Литовская и русинская в протопласте, с XVI в. она выбрала польскую самоидентификацию и сохранила ее до настоящего времени (Konczewska, 2019, с. 183–199).

¹⁰ Лексемы и семантическое значение приводятся за LKŽ.

Рум < *rumbà* ‘скалистая каменная отмель’

Солы < *salà* 1) ‘участок земли, окруженный водой со всех сторон’,
2) ‘приподнятый, сухой участок земли на болоте’¹¹

Сонтаки < *sántaka* ‘место слияния рек’

Черлена < *čīurlūs* ‘поток, струя’

Топонимы, образованные от восточнославянских апеллятивов, составляют меньшую группу: *Белые Болота*, *Борки*, *Городище*, *Дубница*, *Дубово*, *Дуброва*, *Дубровка*, *Лужки*, *Поречье*, *Ставы*, *Стародубовая*, *Сухая Долина*.

3.2. Топонимы с этнонимной основой¹²

Гуды (наименование белорусов литовцами), *Дайнова* (*дайнава* – одно из названий ятвягов, балтской племенной группы), *Латыши*, *Липки* (так называли литовских татар), *Литвины*, *Мазуры*, *Москали*, *Русаки*, *Татарье*, *Ятвезь* / *Ятвези* (*ятвезь* – древнерусское название ятвягов, балтской племенной группы¹³). Значительная группа этнонимных топонимов образована путем суффиксальной деривации: *Гудевичи*, *Гудишки*, *Жидомля*, *Литвинки*, *Мазурки*, *Русачки*, *Русиново*, *Русиновцы*, *Русота*, *Татарка*, *Татаровщина*, *Цыгановка*. Отметим, что, на наш взгляд, широко распространенное мнение о том, что топоним *Кашубинцы* (усадебная ферма недалеко от Гродна) является этнонимом (*кашубы* – этническая группа, населяющая современное польское Поморье), ошибочно. По нашему мнению, данный топоним образован от названия растения *Ranunculus cassubicus*, лит. *kašūbinis* (LBŽ).

¹¹ Лексемы *рапа*, *рум*, *солы* ср.: Bednarczuk, 1984, с. 24–34.

¹² О проблематике формирования балтийских и славянских этнонимов: Карлюнас, 1998, с. 7–28.

¹³ Исследователи считают, что с XIII в. в балтском и славянском языках термины *Дайнава* (*Dainava*, балтский) и *Ятвезь* (славянский) имели общее этнонимическое значение (Вольтер, 1911, с. 159). В настоящее время они являются своеобразным маркером: к северу от Немана преобладают названия типа *Дайнава*, к югу – *Ятвезь*.

3.3. Топонимы, образованные от названий сословной принадлежности и видов занятости

Осады (осадники – крестьяне, платившие за пользование землей чинш), *Батратчина*, *Батрацкие могилки*, *Батрацкое* (батраки – безземельные наемные крестьяне), *Бобровники* (промысловые крестьяне, во время ловли бобров освобождались от налогов), *Бондари* (ремесленные, выделявали бочки), *Бояры*¹⁴ (*Большие Бояры*, *Малые Бояры*), *Дойлиды* (ремесленные, плотницкое дело), *Калеты* (ремесленные, *калетник* – ремесленник, производящий кожаные изделия), *Коваличи* (ремесленные, *коваль* – кузнец), *Конюхи* (служебные), *Кошевники* (ремесленные, выплетали корзины), *Крулевска кухня* (служебные), *Машталеры* (служебные, польское *masztalerz*, чешское *ma(r)šťal*, обслуживали конюшни), *Огородники* (крестьяне, наделенные небольшими участками земли), *Осочники* (служебные, выслеживали зверя во время княжеской охоты), *Панский огород* (служебные), *Скребляки* (служебные, ухаживали за лошадьми в конюшнях), *Служки* (группа военных крестьян), *Стрельцы* (служебные), *Шляхецкая гора*.

Значительное количество данных топонимов обусловлено размещением обслуживающих («служилых») деревень вблизи магнатских усадеб, наиболее массово происходившее, начиная с XVI в.

3.4. Топонимы, мотивированные названиями типов поселений

Буда / Буды (будный промысел – выварка поташа, смолы), *Табольская Будка* (место будного промысла на реке Табола), *Вуля / Вулька / Вульковцы* (*воля*, диал. *вуля*, *вулька*, ‘вольный, свободный’ – поселение, жители которого были освобождены от повинностей), *Выселка* (поселение, возникшее в результате Столыпинской реформы 1906 г.), *Колония* (название поселений, возникших в результате Столыпинской реформы 1906 г., а также поселений польских осадников, получивших земельные

¹⁴ «Устава на волоки» (1557 г.) закрепила в исследуемом субрегионе поселения так называемых путных и панцирных бояр, память о которых сохранилась в многочисленных топонимах и антропонимах субрегиона.

наделы после польско-большевистской войны 1920 г.), *Кордон Подлилье* (*кордон* – ‘лесная охрана’), *Крулевицзна* (королевская экономия), *Новый Двор* (новое поселение), *Поповщина* (поселение, принадлежащее попу, церкви), *Слободка* (*свобода*, диал. *слобода* – поселение, жители которого были освобождены от повинностей), *Занеманский форштат* (предместье в занеманской части Гродно, с нем. *Vorstadt*), *Фолюш* (поселение, в котором располагалась суконная мануфактура, основанная в XVIII в. Антоном Тизенгаузом, в настоящее время – название микрорайона Гродно), *Форты* (оборонные сооружения Гродненской крепости, построенной перед Первой мировой войной, в настоящее время – название микрорайона Гродно), *Юриздика / Юрздыка* (земельный надел, принадлежащий дворянам либо духовным лицам, отданный в бессрочную аренду).

4. Этимологические группы

Этимологический анализ позволяет выделить в топонимах субрегиона несколько пластов:

4.1. Древнейший (предполагаемый) индоевропейско-финно-угорский, гибридный

Волпа на реке Волпянка – балтийская трансформированная основа *ap*, *ape* ‘река, вода’¹⁵; *Воль* < **Oль*: др.-прусск. *ape* ‘река’ или >< **(B)ьль*: лит. *upė* ‘река’, ср.: *Воль* (река на Смоленщине); *олпа* (‘стрелолоист, *Sagittaria*’, водная растительность).

¹⁵ Обратим внимание, что при попытке восстановления этимологии балтийских гидронимов необходимо учитывать, что они могут быть, по словам Владимира Николаевича Топорова, «до неузнаваемости переряжены в славянскую форму», и что иногда «трудно бывает сказать, где кончается балтийская форма и начинается славянская» (Топоров & Трубачев, 1962, с. 159). О древних балтийских гидронимах: Топоров, 1982, с. 3–61.

Индура на реке Индурка < *indr ‘тростник’, ср.: *Индрица* (название реки и посёлка в Латвии), *Индра* (название деревни в Эстонии и болота в Свердловской области), *Сухой Индол*, *Мокрый Индол* (название рек в восточном Крыму), *Индола* (название реки в Бурятии).

Одельск на реке Одла < *Ol ‘мокрое, заторфованное место’, < *Al-; в финно-угорских языках: коми уль ‘влажный, мокрый, сырой’; ёль ‘лесной ручей, речка’; мордовский ёв ‘река’, ‘вода’; хантыйский ел ‘родник’; лит. *āliai* ‘болото’; ср.: *Ола* (приток Березины, река в Магаданском крае и на Колыме), *Ала* (река в Латвии).

4.2. Балтийский (ятвяжский, литовский)

В дополнение к представленным в п. 3.1. можно привести следующие топонимы: *Дайнова* < *Dainavà*, *Гибуличи* < *giba* ‘мера полотна от одного угла стены до другого, около 4–6 м’, < *gibras* ‘нечистая сила’, *Гожа* < *ožys* ‘козел’, *Дайлидки* < *dailidė* ‘строитель’, *Крушники* < *krūsnis* ‘груда камней’, *Подлабенье* < *lobas* ‘низина, низменный луг’, *Пышки* < *pišis* ‘сосна’, *Ройсты* < *raištas* ‘болотистые заросли’.

4.3. Славянский

Рутенизмы: *Волочевцы*, *Декаловичи*, *Дубовка*, *Житородь*, *Карозичи*, *Квасовка*, *Круглики*, *Лихосельцы*, *Лужки*, *Ольшанка*, *Соломенка*, *Стародубовая*.

Полонизмы: прямая транслитерация: *Вулька* (*wólka*), *Гурка* (*górką*), фонетическая и словообразовательная адаптация: *Белы Дворак* (*Biały Dworek*), *Дамброва* (*Dąbrowa*), *Длуганаль* (*Długopol*), *Свентаянск* (*Świętojańsk*), *Сикорица* (*Sikoryca*), *Софиёво* (*Sofijewo*), *Стрыевка* (*Stryjówka*).

В топонимической системе субрегиона наиболее продуктивны словообразовательные типы с аффиксами литовского происхождения¹⁶: 1) -аны (-яны), -уны (-юны), лит. -ėnai, -onys, -ūnai, пол. -ану, -уну: *Верховляны*, *Дубовляны*, *Заречаны*, *Ковняны*, *Луцковляны*, *Могиляны*, *Погораны*, *Понижаны*, *Рудовляны*, *Тужевляны*, *Чащевляны*; *Бакуны*, *Мештуны*;

¹⁶ Подробно рассмотрел их Пятрас Гаучас (1988, с. 195–213).

2) *-ишки*, лит. *-išké, -iškės, -iškis*, пол. *-iszki, -yszki*¹⁷: *Вертелишки, Пундишки, Путришки*; 3) *по-*, лит. *põ* ‘за’: *Погораны, Подитва, Понемунь, Понижаны, Поречье*.

Необходимо отметить значительное количество топонимов чисто литовского происхождения: *Баля, Бросты, Брузги, Ванги, Дайнова, Лабно, Лаша, Лунна, Плянты, Рапа, Рум, Сола, Черлена* и топонимов, образованных от литовских апеллятивов путем аффиксации посредством славянских словообразовательных средств: *Гиб-ул-ичи, Гуд-ев-ичи, Дайлид-ки, Крушин-ичи, Кудр-ичи, Мишк-ен-ичи, Под-лаб-енье, Пыш-ки*.

5. Топонимические трансформации и загадки

Ассимиляционные процессы и историческо-политические факторы оказали влияние на затирание первичной семантики топонимов и появление вторичной мотивировки и этимологии, в том числе народной. Например, древний топоним *Волпа* объясняется как «Вол пьет». О названии широко известного перед Второй мировой войной местечка *Индурра* (в идиш *Амдур*) создана и до сих пор функционирует легенда о помещике, имеющим дочку, которую звали „Инка-дура”. *Гожа* объясняется как белорусское *гожы, прыгожы* ‘красивый’, поскольку первичная этимология, лит. *ožūs* ‘козел’ с белорусским протетическим *г-*, утрачена. И, к сожалению, нередко некорректные высказывания в гродненской прессе местных университетских филологов, утверждающих, например, что название *Пышки* «сохранило память о пышке (булке)» или же было образовано «от прозвища людей тучного телосложения», а *Кудричи* названы так потому, что «там жили кудрявые люди».

Этимология ряда топонимов остается спорной и порождает вопросы. Например, топоним *Аульс* может быть образован от апеллятива *алёс, альса* (рутенизм), *āliai* (балтизм) ‘топкое место’ или же быть исторического

¹⁷ Одним из первых обратил на них внимание в своих исследованиях Ян Сафаревич (Safarewicz, 1947, с. 45–46).

происхождения, ‘спорная территория между феодалами’. *Волпа* – < **Оль* или < *олпа*? *Индур* – балтизм или санскрит? *Кадыш* – с татарского, идиш, прусского или литовского? *Лабно* – кельтское или литовское? Или, например, можно ли этимологию топонима *Лейгаболи* (диал. *Лэйгабалі*) определить как < **leikū* (опорожнять) + *balà* (болото) + славянская адаптация (‘осушенное болото’)?

Топонимическая мозаика усугубляется переименованиями советского периода и адаптациями. Например, неблагозвучная для советской власти *Гнойница* (наследство Элизы Ожешко) была переименована в *Вишневец* (в настоящее время – часть Гродно); *Лядовичи* < *lyda* ‘обрабатываемое поле на месте вырубленного леса’ трансформировались в *Глядовичи* с народной этимологией ‘глядеть’; *Гродичи* трансформировались в *Грандичи*, *Жидомля* ввиду политической некорректности стала *Житомлей*; *Баля Костельна*¹⁸ в 1964 г. была переименована в *Заречанку*; *Келбасин* < лит. *kėlbas*, пол. *kielb*, **kьlbъ* ‘пескарь’ переименован в *Колбасино* (в настоящее время окраина Гродно) и ассоциируется у жителей исключительно с колбасой; деревня *Пузовичи* переименована в *Партизантскую*; *Вулька Даргунская* перестала существовать в 1964 г., став *Усово* (в честь командира советских пограничников, оборонявших заставу в 1941), а неблагозвучные *Жоповичи*, на карте Якубовского отмеченные как *Zappowicze*, что позволяет предполагать балтский апеллатив этого деантропонимного топонима (< *zop̄stas*, *zōpsō* ‘запасы’, возможно, служебные крестьяне?) переименованы в *Реновичи*¹⁹ с легендой о генерале-хозяине имения Репове, хотя автохтоны до сих пор называют жителей этой местности «жоповцами».

¹⁸ Одна из местностей с названием Бали расположена на трассе Минск – Гродно – граница с Евросоюзом, и часто можно наблюдать, как пассажиры высаживаются из машин, чтобы сделать фотографию у таблички «Бали». Очень много таких фотографий размещается позже в интернете с шуточными комментариями о том, что можно побывать на Бали (имеется в виду популярный курорт), не выезжая из Беларуси. Цитата одного из авторов подобных фотографий: «Бали, деревенька в Гродненской области, хороша только для селфи на фоне таблички при въезде».

¹⁹ *Zappowicze* > *Zapowicze* > *Żopowicze* > *Rzepowicze* > *Реновичи*.

6. Заключение

В настоящее время рассмотренный нами субрегион в языковом и этническом отношении является преимущественно славянским, причем значительная часть населения самоидентифицируется как поляки²⁰. Балтский топонимический протопласт в определенной степени вытеснен в результате ассимиляционных процессов и топонимической политики. Лингвокультурологический анализ топонимов в этих обстоятельствах весьма важен и актуален, так как помогает восстановить историческую социолингвистическую ситуацию.

Представленный анализ позволяет определить в исследуемом субареале несколько топонимических пластов, от древнейшего индоевропейско-финно-угорского до балтийского (ятвяжского, литовского) и славянского (белорусского, польского, русского). Выделенные лексико-семантические группы мотивирующих основ свидетельствуют о древности процессов заселения и помогают установить этапы участия в этом процессе отдельных этносов.

Мы считаем, что лингвокультурологический анализ топонимов пограничных территорий со сложной социолингвистической ситуацией является продуктивным методом ее реконструкции и дает основание для определенных выводов о характере и этапах заселения ареала, а также об историческом многоязычии. Культурологический подход позволяет избежать этимологических ошибок, поскольку, зная направление и приблизительное время заселения субареала той или иной этнической группой, мы можем принять верное решение о ходе этимологических рассуждений. Отметим, что лингвистический анализ топонимических единиц в пограничном ареале сопряжен с трудностями в различении субстратного воздействия и результата маргинальных языковых контактов. Не всегда удается обнаружить в современных

²⁰ Более 20% населения имеет польскую самоидентификацию. Отметим, что в Гродно зарегистрировано наибольшее в Беларуси количество литовцев-городских жителей, 331 человек, однако большинство литовского населения проживает в Островецком и Вороновском районах. О актуальной социолингвистической ситуации на Гродненщине: Konczewska, 2021, с. 49–67.

балтийских говорах непосредственный источник некоторых балтизмов, хотя они зафиксированы на территории действия балтийского субстрата. Несомненно, о субстрате можно говорить лишь условно, о чем свидетельствует лингвистический анализ, подтверждающий, что процесс субстратного заимствования нередко проходил в условиях дву-, а иногда и трехязычия. Пограничье является зоной активных языковых инфильтрационных процессов не только балто-славянских, но и внутри различных славянских языковых подгрупп (польский, белорусский, русский), поэтому субстратно-адстратные отношения требуют чрезвычайно осторожного подхода. В подтверждение приведем высказывание Владимира Николаевича Топорова:

Важно еще раз напомнить о наиболее целесообразном понимании термина «балтийский» применительно к анализируемым названиям. Без такого напоминания возможны недоразумения разного рода. При предлагаемом понимании «балтийский» не противопоставляется «славянскому» этнически и даже лингвистически, а скорее – исторически и типологически. (...) Различия связаны с анализом наслоений различного характера. (Топоров, 1972, с. 263).

Отметим, что реализация предложенного интердисциплинарного подхода к анализу топонимов пограничья может не только обогатить исследования Гродненщины, но и внести свой вклад в изучение языковых контактов, поскольку балто-славянские латеральные переходные зоны являются предметом активного научного дискурса (Wiemer, Seržant, Erker, 2014, сс. 15–42; Bednarczuk, 2021, сс. 137–144).

В заключение обратим внимание на влияние диалектологии на результативность ономастических исследований, ключевые моменты которого мы представили в данной статье: диалектология позволяет определить субстрат, адстрат и суперстрат изучаемого ареала, помогая выделить пласт субстратной топонимии; полевые диалектные экспедиции приносят уникальные материалы по микротопонимии, народной терминологии и этимологии; диалектные словообразовательные структуры и их акцентологические варианты могут помочь в определении этимологии и поиске наиболее близкой субстратной формы; диалектологические материалы помогают восстановить культурный контекст изучаемого ареала. Сотрудничество диалектологов и ономастов

позволяет проследить процессы инфильтрации и адекватно интерпретировать функционирование языковых явлений локального историческо-политическо-географического пограничья, обусловленных определенными колониционными, миграционными и историческими процессами в данном ареале.

Литература

- Аліфэрчык, Т. М. (2013). *Тапанімя Заходняга Палесся: этналінгвістычны аспект*. Мінск: Беларуская навука.
- Бубнович, И. (2020). Оттопонимические наименования Гродненщины в публицистических и художественных текстах. *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica*, 19, 29–40. <http://dx.doi.org/10.18778/1731-8025.19.03>
- Васильева, Т. (2014). *Ойконимия Белорусского Поозерья в лингвокультурологическом аспекте* [Автореферат диссертации кандидата филологических наук, Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси]. <https://rep.vsu.by/handle/123456789/39274>
- Вольтер, Э. А. (1911). Следы древних пруссов и их языков Гродненской губернии. *Известия отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук*, 16(4), 151–160.
- Гаучас, П. (1988). К вопросу о восточных и южных границах литовской этнической территории в Средневековье. В: В. В. Иванов (ред.), *Балто-славянские исследования: 1986* (с. 195–213). Москва: Наука.
- Гринблат, М. Я. (1959). К вопросу об участии литовцев в этногенезе белорусов. В: С. А. Тараканова & Л. Н. Терентьева (ред.), *Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. Вопросы этнической истории народов Прибалтики. По данным археологии, этнографии и антропологии* (с. 523–543). Москва: Издательство Академии наук СССР.
- Гурская, Ю. (2014). Деантропонимные топонимы белорусско-польского пограничья. *Acta Baltico-Slavica*, 38, 182–206.
- Дорофеенко, М. (2018). Виконимия белорусско-польского приграничья: номинативный аспект. В: L. Citko (ред.), *Języki ruskie w rozwoju historycznym i kontaktach z polszczyzną* (с. 85–98). Białystok: Wydawnictwo Prymat.
- Каралюнас, С. (1998). Из проблематики формирования балтийских и славянских этнонимов. *Slavistica Vilnensis*, 47(2), 7–28. <https://doi.org/10.15388/SV.1998.23184>
- Леванцэвіч, Л. В., & Якубук, Н. Р. (2018). Тапанімічная прастора Брэстчыны ў навуковых даследаваннях. *Ученые записки Брестского государственного университета*, 25, 129–136.

- Топоров, В. Н. (1972). «Baltika» Подмосковья. В: В. Н. Топоров (ред.), *Балто-славянский сборник* (сс. 217–280). Москва: Наука.
- Топоров В. Н. (1982). Древняя Москва в балтийской перспективе. В: В. В. Иванов (ред.), *Балто-славянские исследования: 1981* (сс. 3–61). Москва: Наука.
- Топоров, В. Н., & Трубачев, О. Н. (1962). *Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья*. Москва: Издательство Академии наук СССР.
- Цыхун, А. (1993). *Скарбы народнай мовы*. Гродна: Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт.
- Шклярыйк, В. (2019). *Мікратанімія Усходняга Палесся ў кантэксце развіцця рэгіянальнай лексічнай сістэмы*. Мінск: Беларуская навука.
- Bednarczuk, L. (1984). O języku flisaków wilejskich. *Język Polski*, 64, 24–34.
- Bednarczuk, L. (2021). Bałtyckie nazewnictwo Mazowsza. *Onomastica*, 65(1), 137–144. <https://doi.org/10.17651/ONOMAST.65.1.8>
- Jakubowski, J. (1935). Powiat grodzieński w. XVI (mapa z tekstem). In *Prace Komisji Atlasu Historycznego Polski* (Vol. 3, pp. 99–114). Kraków: Polska Akademia Umiejętności.
- Konczewska, K. (2019). Szlachta grodzieńska na początku XXI wieku – język i tożsamość. Zarys problematyki. *LingVaria*, 14(1), 183–199. <https://doi.org/10.12797/LV.14.2019.27.12>
- Konczewska, K. (2021). *Polacy i język polski na Grodzieńszczyźnie*. Kraków: Instytut Języka Polskiego PAN.
- Kondratiuk, M. (2011). *Urzędowe i gwarowe nazwy miejscowości Białostoczczyzny*. Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne.
- LBŽ = Vailionis, L. (1938). *Lietuviškas botanikos žodynas*. Kaunas: Varpas.
- LKŽ = Balčikonis, J., Kruopas, J., Ulvydas, K., Vitkauskas, V. (Eds.). (1941–2002). *Lietuvių kalbos žodynas* (Vols. 1–20). Vilnius: Lietuvių kalbos institutas.
- Ochmański, J. (1981). *Litewska granica etniczna na wschodzie od epoki plemiennej do XVI wieku*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM.
- Rutkowski, M. (2021). O metodzie krytycznej w toponomastyce. *Onomastica*, 65(1), 237–254. <https://doi.org/10.17651/ONOMAST.65.1.14>
- Safarewicz, J. (1947). Rozmieszczenie nazw na *-iszki* na pograniczu słowiańsko-litewskim. *Sprawozdania z Czynności i Posiedzeń Akademii Umiejętności w Krakowie*, 48(2), 45–46.
- Szumski, J. (2010). *Sowietyzacja zachodniej Białorusi 1944–1953. Propaganda i edukacja w służbie ideologii*. Warszawa: Arcana.
- Tratsiak, V. (2017). *Ojkonimy pogranicza polsko-białoruskiego* [Докторская диссертация, Варшавский университет]. Repozytorium UW. <https://depotuw.ceon.pl/handle/item/2138>
- Wiemer, B., Seržant, I., Erker, A. (2014). Convergence in the Baltic-Slavic Contact Zone. Triangulation approach. In J. Besters-Dilger, C. Dermarckar, S. Pfänder, & A. Rabus (Eds.), *Congruence in Contact-Induced Language Change. Language Families, Typological Resemblance, and Perceived Similarity* (pp. 15–42). Berlin–Boston: De Gruyter.
- Wiśniewski, J. (1964). Rozwój osadnictwa na pograniczu polsko-rusko-litewskim od końca XIV do połowy XVII wieku. *Acta Baltico-Slavica*, 1, 115–135.

- Wiśniewski, J. (1977). Osadnictwo wschodniej Białostoczczyzny, geneza, rozwój oraz różnicowanie i przemiany etniczne. *Acta Baltico-Slavica*, 11, 7–80.
- Zajas, K. (2012). Widnokreği literatury. In J. Fazan & K. Zajas (Ed.), *Na pograniczach literatury* (pp. 5–13). Kraków: Universitas.

References

- Alifyerchyk, T. M. (2013). *Tapanimiya Zakhodnyaha Palyessya: etnalinhvistychny aspyekt*. Minsk: Byelaruskaya navuka.
- Bednarczuk, L. (1984). O języku flisaków wilejskich. *Język Polski*, 64, 24–34.
- Bednarczuk, L. (2021). Bałtyckie nazewnictwo Mazowska. *Onomastica*, 65(1), 137–144. <https://doi.org/10.17651/ONOMAST.65.1.8>
- Bubnovich, I. (2020). Ottoponimicheskiye naimenovaniya Grodnenshchiny v publitsisticheskikh i khudozhestvennykh tekstakh. *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica*, 19, 29–40. <http://dx.doi.org/10.18778/1731-8025.19.03>
- Dorofeyenko, M. (2018). Vikonimiya belorusko-pol'skogo prigranich'ya: nominativnyy aspekt. In L. Citko (Ed.), *Języki ruskie w rozwoju historycznym i kontaktach z polszczyzną* (pp. 85–98). Białystok: Wydawnictwo Prymat.
- Gauchas, P. (1988). K voprosu o vostochnykh i yuzhnykh granitsakh litovskoy etnicheskoy territorii v Srednevekov'ye. In V. V. Ivanov (Ed.), *Balto-slavyanskiye issledovaniya: 1986* (pp. 195–213). Moskva: Nauka.
- Grinblat, M. Ya. (1959). K voprosu ob uchastii litovtsev v etnogeneze belorusov. In S. A. Tarakanova & L. N. Terent'yeva (Eds.), *Trudy Pribaltiyskoy ob"yedinennoy kompleksnoy ekspeditsii. Voprosy etnicheskoy istorii narodov Pribaltiki. Po dannym arkhologii, etnografii i antropologii* (pp. 523–543). Moskva: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Gurskaya, Yu. (2014). Deantroponimnyye toponimy belorusko-pol'skogo pogranich'ya. *Acta Baltico-Slavica*, 38, 182–206.
- Jakubowski, J. (1935). Powiat grodzieński w. XVI (mapa z tekstem). *Prace Komisji Atlasu Historycznego Polski* (Vol. 3, pp. 99–114). Kraków: Polska Akademia Umiejętności.
- Karalyunas, S. (1998). Iz problematiki formirovaniya baltiyskikh i slavyanskikh etnonimov. *Slavistica Vilnensis*, 47(2), 7–28. <https://doi.org/10.15388/SV.1998.23184>
- Konczewska, K. (2019). Szlachta grodzieńska na początku XXI wieku – język i tożsamość. Zarys problematyki. *LingVaria*, 14(1), 183–199. <https://doi.org/10.12797/LV.14.2019.27.12>
- Konczewska, K. (2021). *Polacy i język polski na Grodzieńszczyźnie*. Kraków: Instytut Języka Polskiego PAN.
- Kondratiuk, M. (2011). *Urzędowe i gwarowe nazwy miejscowości Białostoczczyzny*. Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne.

- LBŽ = Vailionis, L. (1938). *Lietuviškas botanikos žodynas*. Kaunas: Varpas.
- LKŽ = Balčikonis, J., Kruopas, J., Ulvydas, K., & Vitkauskas, V. (Eds.). (1941–2002). *Lietuvių kalbos žodynas* (Vols. 1–20). Vilnius: Lietuvių kalbos institutas.
- Lyevantsevich, L. V., & Yakubuk, N. R. (2018). Tapanimichnaya prastora Brestchyny w navukovykh daslyedavannyakh. *Uchenye zapiski Brestskogo gosudarstvennogo universiteta*, 25, 129–136.
- Ochmański, J. (1981). *Litewska granica etniczna na wschodzie od epoki plemiennej do XVI wieku*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM.
- Rutkowski, M. (2021). O metodzie krytycznej w toponomastyce. *Onomastica*, 65(1), 237–254. <https://doi.org/10.17651/ONOMAST.65.1.14>
- Safarewicz, J. (1947). Rozmieszczenie nazw na -iszki na pograniczu słowiańsko-litewskim. *Sprawozdania z Czynności i Posiedzeń Akademii Umiejętności w Krakowie*, 48(2), 45–46.
- Shklyaryk, V. (2019). *Mikratapanimiya Uskhodnyaga Palessya w kantekstsye razvitstysya regiyanal'nay lyeksichnay sistemy*. Minsk: Byelaruskaya navuka.
- Szumski, J. (2010). *Sowietyzacja zachodniej Białorusi 1944–1953. Propaganda i edukacja w służbie ideologii*. Warszawa: Arcana.
- Toporov, V. N. (1972). «Baltika» Podmoskov'ya. In V. N. Toporov (Ed.), *Balto-slavyanskiy sbornik* (pp. 217–280). Moskva: Nauka.
- Toporov, V. N. (1982). Drevnyaya Moskva v baltiyskoy perspektive. In V. V. Ivanov (Ed.), *Balto-slavyanskije issledovaniya: 1981* (pp. 3–61). Moskva: Nauka.
- Toporov, V. N., & Trubachev, O. N. (1962). *Lingvisticheskiy analiz gidronimov Verkhnego Podneprov'ya*. Moskva: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Tratsiak, V. (2017). *Ojkonimy pogranicza polsko-białoruskiego [Doctoral dissertation, University of Warsaw]*. Repozytorium UW. <https://depotuw.ceon.pl/handle/item/2138>
- Tsykhun, A. (1993). *Skarby narodnay movy*. Hrodna: Hrodzyenski dzjarzhawny wniversitet.
- Vasil'yeva, T. (2014). *Oykonimiya Belorusskogo Poozer'ya v lingvokul'turologicheskome aspekte*. [Avtoreferat dissertatsii kandidata filologicheskikh nauk, Tsentri issledovaniya belorusskoy kul'tury, yazyka i literatury NAN Belarusi]. <https://rep.vsu.by/handle/123456789/39274>
- Vol'ter, E. A. (1911). Sledy drevnikh prussov i ikh yazykov Grodnenskoy gubernii. *Izvestiya otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imp. Akademii nauk*, 16(4), 151–160.
- Wiemer, B., Seržant, I., & Erker, A. (2014). Convergence in the Baltic-Slavic Contact Zone. Triangulation approach. In J. Besters-Dilger, C. Dermarkar, S. Pfänder, & A. Rabus (Eds.), *Congruence in Contact-Induced Language Change: Language Families, Typological Resemblance, and Perceived Similarity* (pp. 15–42). Berlin–Boston: De Gruyter.
- Wiśniewski, J. (1964). Rozwój osadnictwa na pograniczu polsko-rusko-litewskim od końca XIV do połowy XVII wieku. *Acta Baltico-Slavica*, 1, 115–135.
- Wiśniewski, J. (1977). Osadnictwo wschodniej Białostoczczyzny, geneza, rozwój oraz różnicowanie i przemiany etniczne. *Acta Baltico-Slavica*, 11, 7–80.
- Zajas, K. (2012). Widnokręgi literatury. In J. Fazan & K. Zajas (Eds.), *Na pograniczach literatury* (pp. 5–13). Kraków: Universitas.